

УДК 81'372

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-103-110

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗА СЛЕЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАЯКОВСКОГО И Б. РЫЖЕГО

Силаева М. В.

Государственный университет просвещения

141014 г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить сходства и различия функциональных особенностей образа слезы в художественной системе В. Маяковского и Б. Рыжего.

Процедура и методы. В статье приводится анализ работ, посвящённых исследованию образной системы В. Маяковского и Б. Рыжего. Основное содержание исследования составляет анализ лирических текстов. Особое внимание уделяется подтекстовым связям лирики поэтов с философией христианства. Методология состоит в раскрытии источников единых мотивов и образов художественной системы поэтов.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о разном функциональном значении образа слезы в поэтическом мире В. Маяковского и Б. Рыжего. При очевидных совпадениях в эстетике поэтов раскрываются причины различной семантики образа слезы, что позволяет создать более полное представление об авторской концепции Маяковского и Рыжего.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлено проблематика по малоисследованному творчеству Б. Рыжего. Результаты могут быть использованы в вузах при изучении курса истории русской литературы XX в. и для составления комментариев к изданию стихов Б. Рыжего.

Ключевые слова: Борис Рыжий, Маяковский, поэзия, слеза, христианская культура

THE FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF THE IMAGE OF TEARS IN THE WORKS OF V. MAYAKOVSKY AND B. RYZHY

M. Silaeva

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this study is to identify similarities and differences in the functional features of the image of a tear in the artistic system of V. Mayakovsky and B. Ryzhy.

Methodology. The article provides an analysis of the works devoted to the study of the figurative system of V. Mayakovsky and B. Ryzhy. The main content of the study is the analysis of lyrical texts. Special attention is paid to the subtext connections of the poets' lyrics with the philosophy of Christianity. The methodology consists in revealing the sources of common motifs and images of the artistic system of poets.

Results. According to the results of the study, a conclusion was made about the different functional significance of the image of a tear in the poetic world of V. Mayakovsky and B. Ryzhy. With obvious coincidences in the aesthetics of the poets, the reasons for the different semantics of the image of tears

are revealed, which allows us to create a more complete picture of the author's concept of Mayakovsky and Ryzhy.

Research implications. The problems of the little-explored work of B. Ryzhy have been updated. The results can be used in universities when studying the course of the history of Russian literature of the twentieth century and to compile comments on the publication of poems by B. Ryzhy.

Keywords: Boris Ryzhy, Christian culture, Mayakovsky, poetry, teardrop

Введение

Слёзы как явление культурной жизни той или иной эпохи появляются ещё в древние времена. Как образ античного мира, запечатлённый в скульптуре или иконографии, он был нетипичным. «Слёзы не являются характерным феноменом для древнегреческой культуры, которую, хотя и несколько односторонне и схематично, но всё же не без оснований принято называть “светлой” и “жизнеутверждающей”, – сказано в работе Д. Ю. Дорофеева [6, с. 131]. Слёзы станут едва ли не основной приметой внутренних душевных процессов, катарсиса с приходом христианства. Святые отцы обладают даром чистых слёз, лишённых принадлежности к физиологическим процессам. Человеку же свойственно доверять слезам все свои тайны: от страдания до абсолютного счастья. Тема функционального значения образа слезы в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжего принципиально не исследовалась. Как один из проходящих образов в контексте христианской культуры он затрагивался в работе М. Вайскопфа [5].

Современное маяковское исследование сосредоточено на исследовании синтеза культур и метапредметных связей в творчестве поэта [1]. Актуальный вектор исследовательской мысли был продемонстрирован, в частности, на Международной научной конференции «Маяковский – 2023» (ИМЛИ РАН), посвящённой юбилею поэта. Преемственность, очевидные поэтические параллели в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжего видятся сегодня перспективными [4; 7; 8]. Так, в исследовании Н. Л. Быстрова выделяется сходный у двух поэтов «мотив поэтического дара как страдания» и целый ряд технических совпадений, относящихся к лексическим и

синтаксическим способам создания художественного пространства [4, с. 52].

Однако более убедительной видится позиция К. М. Комарова, основанная не на факте подражания одного поэта другому, а на преемственности, на схожих позициях и реакциях на окружающую действительность. Обращаясь, в частности, к текстологическому методу, автор проводит параллели в области темы детства, любви к животным, в теме жизни и смерти, притяжённости к русской культуре. Исследователь отмечает: «Примерно с середины 1993 г. Маяковский постепенно уходит из стихов Рыжего. С течением времени, обретая свой индивидуальный голос, Рыжий стал нейтрален к Маяковскому, его заслонили другие фигуры. Однако глубокие психосоматические, эстетические и мировоззренческие интенции, роднящие его с Маяковским, оставались с поэтом до конца его короткого, но чрезвычайно продуктивного творческого пути» [7, с. 63]. Больше значимых попыток соотнесения творческого наследия поэтов не предпринималось.

Однако исследований, посвящённых лирике Б. Рыжего, становится всё больше. Так, в работе Т. А. Арсеновой «Стихотворение Бориса Рыжего “Север”: история создания, фольклорные и литературные источники» представлена история создания стихотворения «Север», поэтический диалог Б. Рыжего и А. Кузина. В ходе подробного литературоведческого анализа стихотворения автор находит переключки с литературным наследием отечественной и зарубежной литературы [2]. В статье «Борис Рыжий и “Торный родник”: детали к картине литературной жизни Екатеринбурга 1990-х гг.» [3] представлена история возникновения и разви-

тия литературного объединения «Горный родник» и его роль в жизни Б. Рыжего. Одним из очевидных достоинств работы является большое количество документальных материалов. В сентябре 2024 г. поэту исполнилось бы 50 лет, и этот факт не останется незамеченным в научном сообществе. Развитие сходных мотивов, построение образной системы у Маяковского и Рыжего нуждается в глубоком исследовании. Особого внимания заслуживают функциональные особенности образа слёзы в поэтической системе поэтов.

Образ слезы в лирике В. Маяковского

Образ слезы в поэтике В. Маяковского сопряжён с христианской культурой. Сегодня уже нет необходимости доказывать очевидную притяжённость поэта Вечным истинам христианства. Семья Маяковских, потеряв кормильца, была вынуждена распродавать имущество, однако три маленькие иконы не подвергались материальной оценке, они оставались с ними всегда. В творчестве поэт масштабно использовал реминисценции и аллюзии на Священное Писание.

Маяковский искал в Библии возможность разрешения собственных внутренних противоречий. Поэтому часто смело соотносил лирического героя со Спасителем, стараясь подражать Его любви и духовной силе. Не случайно герой-поэт выбирает себе в паству не благопристойных людей, а отверженных грешников – в этом можно видеть следование заветам Спасителя:

*И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова – судороги, слипшиеся комом;
и побегит по небу с моими стихами под мышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым¹.*

Представление Бога своим другом обусловлено стремлением Маяковского приблизить Всевышнего к человеку, а мир

земной к миру небесному. Поэтому вполне естественным видится контекст, на фоне которого появляется образ слезы – крест и распятие: «я – где боль, везде; / на каждой капле слёзовой течи / распял себя на кресте»². Это поистине «мозг всей Вселенной, умиротворяющей и щедрой – для всех сырых и нищих духом» [9, с. 252]. Очистительный характер слезы усугубляет страстное желание героя страдать ради освобождения от греха всего человечества.

В учениях Святых отцов церкви написано о многоаспектности слёз, так как плачут и униженные, и возгордившиеся, и обездоленные, и счастливые. Однако особое место занимает понятие «дара слёз». Это **слёзы божественного происхождения**, они текут произвольно, человек не прикладывает ни физических, ни эмоциональных усилий к их появлению. Но подобная благодать должна снизойти до открытого к ней человека. У современных людей, особенно воспитанных суровой городской действительностью, сердце ожесточённое, не восприимчивое к божьему дару. Человек не видит греха, а значит, и не способен к покаянию. Это и становится причиной ожесточения сердца³. Произвольный характер слёз героя Маяковского всегда противопоставлен абсолютному равнодушию человечества.

Лирический герой физически одинок в своём страдании. Однако на уровне духа его восприятие катастрофы мира разделяет окружающая природа и городская действительность: «на ресницах морозных сосул / слёзы из глаз – / да! – / из опущенных глаз водосточных труб»⁴; «слезают слёзы с крыши в трубы»⁵; «с неба, изодранного о штыков жала, / слёзы звёзд просеивались, как мука в сите»⁶.

² Там же. С. 109.

³ См.: Евфимов Е. Путь слёз. М.: Паломник, 2012. 220 с.

⁴ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 115.

⁵ Маяковский В. В. Кое-что про Петербург // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 74.

⁶ Маяковский В. В. Война объявлена // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 91.

¹ Маяковский В. В. А всё-таки // Маяковский В. В. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 60.

Эти слёзы – свидетельство разделённых или принятых на себя страданий.

*Брошусь на землю,
камня корою
в кровь лицо изотру, слезами асфальт омывая¹.*

Герой всегда стремится очистить город всеми доступными ему способами. И в данном случае можно наблюдать процесс омыwania слезами греховной городской действительности.

Очищение собственной души, человечества, мира находит отражение либо в образе слезы, либо в запечатлённом процессе (рыдания, плача и т. п.). Так, в стихотворении «По мостовой моей души изъезженной...» только лирический герой способен узреть в сегодняшнем дне повторяющуюся во все времена картину распятия, где городская действительность становится Голгофой:

*Иду
один рыдать,
что перекрёстком,
ра́спяты
городовые².*

Лексема *слеза* становится производной для создания неологизма, определяющего состояние героя: «Я сам. / Глаза наследнённые бочками выкачу». То же предельное напряжение передано схожим неологизмом: «Почти окровавив исслезённые веки, / вылез, / встал, / пошёл / и с нежностью, неожиданной в жирном человеке, / взял и сказал: / «Хорошо!»³

В редких случаях Маяковский отступает от христианского образа *слёзы* как олицетворения страдания за человечество. Тогда он вкладывает в этот образ **суть творче-**

ства, природа которого по определению сопряжена со страданием.

*Когда обиженный выбежал дирижёр,
приказал музыкантам плакать.
И сразу тому, который в бороду
толстую сёмгу вкусно нёс,
труба – изловчившись – в сытую морду
ударил горстью медных слёз⁴.*

Этот мотив унаследует и виртуозно разовьёт поэт конца XX в. Борис Рыжий.

Образ слезы в поэзии Б. Рыжего

В интервью Б. Рыжий вспоминал, как ещё в подростковом возрасте восхищался поэзией Маяковского, и в разговоре с сестрой цитировал строчки из тетраптиха «Облако в штанах»: «Дождь обрыдал тротуары, / лужами сжатый жулик, / мокрый, лижет улиц забитый бульжником труп, / а на седых ресницах / – да! / – на ресницах морозных сосулек, / слёзы из глаз / – да! / – из опущенных глаз водосточных труб»⁵. Думается, не случайно, спустя годы, поэт цитирует именно эти строчки. Слеза как неперемнная реакция на действительность, а иногда и важная часть этой действительности была свойственна лирике Рыжего.

Аллюзией на Маяковского становится стихотворение «Вечер»: «Я вышел в улицу. Квартал, / ко рту прижав платочком осень, / ребёнком нежным крепко спал» (ср.: «Я вышел на улицу, / выжженный квартал / надел на голову как рыжий парик»⁶). В этом же стихотворении: «Кружилась ночь, дрожали слёзы / в железных веках фонарей»⁷. Фонарь – это особая примета города, страдающая или сострадающая. **Слёзы стано-**

¹ Маяковский В. В. Надоело // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 140.

² Маяковский В. В. По мостовой моей души изъезженной... // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 76.

³ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 239.

⁴ Маяковский В. В. Кое-что по поводу дирижёра // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 116.

⁵ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 51.

⁶ Маяковский В. В. А всё-таки // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 67.

⁷ Рыжий Б. Б. Вечер // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 31.

входят частью уродливой городской действительности. В них не запечатлевается горе или отчаяние, они естественны: «Мне очень / хочется быть / полусупившимся собаководом – / выгуливать пресные слёзы / на впадинах щёчных»¹. Если в лирике Маяковского фонарь отражает пугающую суть городского мира, то в образной системе Рыжего фонарь не обладает оценочной категорией. Это единственная вертикаль, способная, пусть схематично, но всё-таки отобразить устремлённость человека к небу. То, что было присуще в начале XX в. возвышающимся над церквями крестам, в конце столетия стало функциональной особенностью фонарей, определившей гораздо более низкий уровень человеческих возможностей в поиске Бога.

Не удивительно, что образы фонаря и слёз часто выступают в тандеме: «Глотают слёзы / вдоль дороги фонари, / словно дети, с жизнью в ссоре»². Ассоциация состояния страны в 1990-е гг. с детской обидой предельно точно передаёт отчаяние, в котором пребывали люди в конце XX в. Как известно, Б. Рыжий тоже очень болезненно переживал разрушение жизни и целого мира. Богатый промышленный город Свердловск превратился в самоуничтожающийся мир нищих, бандитов и зависимых людей. «Боже, как себя порою жалко – / надо жить, а я лежу и плачу»³. Поэтому слёзы становятся реакцией на осознание масштабов утраты. В общем плаче сливаются предметы городской действительности и природа: «Кусты заламывали кисти, / Как слёзы осыпались листья»; «фея пробежит по переулку и слезами руки обольёт»⁴.

Однако слёзы выступают и в диаметрально противоположном аспекте. Они

могут олицетворять искренность чувств: «И говорю: люблю тебя, да-да, / до самых слёз»; «не прохладно проститься с тобой, / чтоб в слезах, а не без»; «только в музыку верил, / да и то не до слёз»⁵. В этом случае со слезы снимается пафос страдания. У архимандрита Епифания (Евфимула) есть «двойная теория слёз, которые происходят от наших собственных усилий (как вода) и которые являются даром слёз (как дождь)»⁶. Дождь, как правило, ассоциируется со слезой и плачем как у Маяковского, так и у Рыжего: «Дождь обрыдал тротуары»⁷. (ср.: «Дай с дождями рыдать / на плече у тебя»⁸). Таким образом с помощью психологического параллелизма в окружающем мире раскрываются мощные светлые потенции.

Лирическим субъектам свойственны метаморфозы, когда они физически меняют свой облик под натиском чувств. Анималистический образ у Маяковского появляется в тот момент, когда героя обуравляет ревность – он превращается в медведя. Герой Рыжего, страдая от одиночества, становится волком: «Встану, сверкну, как гроза и .../ Не надо!.. Вдруг ещё небо размою / Своими слезами»⁹. Страдания неуправляемой силы пробуждают в человеке звериное начало.

Не менее важной видится параллель, обусловленная темой творчества. Она всегда сопряжена со страданиями как у Маяковского, так и у Рыжего («гвоздями слов прибит к бумаге я»¹⁰, «Кроме прозы, / всё, что я писать пытался, тут же / размы-

¹ Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 38–39.

² Рыжий Б. Б. Новогодняя ночь // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 43.

³ Рыжий Б. Б. Пробуждение // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 74.

⁴ Рыжий Б. Б. Фонарь над кустами // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 112.

⁵ Рыжий Б. Б. Как некий – скажем – гойевский урод... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 338.

⁶ Евфимулос Е. Путь слёз. М.: Паломник, 2012. С. 46.

⁷ Маяковский В. В. Облако в штанах // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 11.

⁸ Рыжий Б. Б. Фонари – чья рука их сорвёт, как цветы... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 65.

⁹ Рыжий Б. Б. Облака пока не поблуднели... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 28.

¹⁰ Маяковский В. В. Флейта-позвоночник // Маяковский В. В. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 258.

вали слёзы»¹). У Маяковского эти строчки звучат в контексте библейского мотива: поэт ассоциирует себя со Спасителем по линии собственного мессианского предназначения, наполненности любовью к человечеству, способности творить. У Рыжего слёзы творчества – это страдание того, кому суждено знать больше других. С детства у поэта был шрам, который начинался около переносицы и проходил через всю щёку. Собственное увечье станет олицетворением вечных мук Художника в эпоху безвременья: «Видишь этот рубец – / Он оставлен слезой»². О природе слёз как источнике тайных знаний и памяти человеческого рода читаем у Игнатия Брянчанинова: «Слёзы естественны падшему человеческому естеству. До падения оно не ведало слёз, – ведомо ему было одно чистейшее наслаждение райским блаженством. Оно утратило это блаженство: ему оставлены слёзы как выражение сочувствия к блаженству, как свидетельство падения, ... как надежда возратить когда-нибудь это блаженство»³.

Заключение

Соотнесение исканий поэтов эпохи перемен только начинает свой путь. В. Маяковский жил и творил в ожидании революции духа. После социалистической революции поэт старался отстаивать свои представления об идеале и служении человечеству. Его культурный код был так или иначе связан с литературой

Серебряного века, поэтому он всегда обращался к Священному Писанию, к образам Спасителя, Божьей Матери как к носителям абсолютной истины. Слёзы, плач, рыдание, отражающие страдания лирического героя, всегда имеют библейский подтекст. Герой, обострённо переживающий несовершенство мира, через светлые слёзы обретает силу. О ней пишет святитель Игнатий (Брянчанинов): «В слезах таинственно живёт утешение»⁴. Он не уйдёт с пути, определённого ему свыше.

Борис Рыжий тоже жил и творил, но в надежде на возвращение прежних времён. 1990-е гг. не обещали преобразований, только разрушение. Любовь поэта к Маяковскому обнажила многие линии сопоставления мотивов и образов. Но естественная для Маяковского культура христианского мира находилась на внушительном расстоянии от мира Б. Рыжего. Поэтому одинаковые образы наполняются у поэтов разным содержанием. Слёзы лирического героя Рыжего – это в психологическом параллелизме отражённое знание об оставленности, обречённости людей в России. Творчество поэта всегда наполнено созидательным страданием. Пожалуй, только это питало Б. Рыжего. Оба поэта трагически ушли из жизни. В. Маяковский в – 37 лет, Б. Рыжий – в 27. Им не хватило сил справиться с потерями, поэтому их слёзы ушли в вечность: «...я в мир пришёл, чтоб навсегда проститься»⁵.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова Г. А. Маяковский: я еду удивлять! Марш поэта по стране. М.: Лингвистика: Бослен, 2021. 320 с.
2. Аксенова Т. А. Стихотворение Бориса Рыжего «Север»: история создания, фольклорные и литературные источники // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 95–104.

¹ Рыжий Б. Б. Стихи для пустого альбома // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 44.

² Рыжий Б. Б. Сын, подойди к отцу... // Рыжий Б. Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 14

³ Святитель Игнатий Брянчанинов. О слезах // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 1. / под общ. ред. О. И. Шафранова. 2-е изд., испр. и доп. С. 301

⁴ Святитель Игнатий Брянчанинов. О слезах // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений и писем: в 8 т. Т. 1. / под общ. ред. О. И. Шафранова. 2-е изд., испр. и доп. С. 301.

⁵ Рыжий Б. Б. Нет, главное, пожалуй, не воспеть... // Рыжий Б. Б. Здесь трудно жить, когда ты безоружен. М.: Зебра Е, 2018. С. 119.

3. Арсенова Т. А. Борис Рыжий и «Горный родник»: детали к картине литературной жизни Екатеринбургa 1990-х гг. // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 122–136. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.9.1.010.
4. Быстров Н. Л. Маяковский в ранней поэзии Бориса Рыжего // В. В. Маяковский: русская и национальная литературы: материалы 20-й Юбилейной международной научно-практической конференции. К 130-летию со дня рождения В. В. Маяковского, Ереван, 28–30 сентября 2023 г. Ереван: Копи Принт, 2023. С. 52–61.
5. Вайскопф М. Во весь логос: религия Маяковского. М.: Иерусалим, 1997. 175 с.
6. Дорофеев Д. Ю. Слезы и смех античной философии: к эволюции образа Гераклита и Демокрита // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 4. С. 126–136.
7. Комаров К. М. «Маяковский – вот это да...» Борис Рыжий и Владимир Маяковский // Борис Рыжий: поэтика и художественный мир: сборник статей и докладов. Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный учёный»), 2015. С. 48–63.
8. Силаева М. В. Образы природы в лирике В. Маяковского и Б. Рыжего // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 1. С. 72–76.
9. Тихомирова А. О. Модификация художественного пространства в рассказе А. М. Горького «Женщина» // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора Войловой К. А., Москва, 26 февраля 2024 г. / отв. ред. О. В. Шаталова М.: Постатор, 2024. С. 249–254.

REFERENCES

1. Antipova G. A. *Mayakovskij: ya edu udivlyat'! Marsh poeta po strane* [Mayakovsky: I'm going to Surprise! The Poet's March across the Country]. Moscow, Lingvistika: Boslen Publ., 2021. 320 p.
2. Aksenova T. A. [Boris Ryzhey's Poem "North": History of Creation, Folklore and Literary Sources]. In: *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2022, no. 4, pp. 95–104.
3. Arsenova T. A. [Boris Ryzhy and "Mountain Spring": details to the picture of the literary life of Yekaterinburg in the 1990s]. In: *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2022, no. 1, pp. 122–136. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.9.1.010.
4. Bystrov N. L. [Mayakovsky in the Early Poetry of Boris Ryzhey]. In: *V. V. Mayakovskij: russkaya i nacional'naya literatura: Materialy 20-I YUbilejnoy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. K 130-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Mayakovskogo, Erevan, 28–30 sentyabrya 2023 g.* [V. V. Mayakovsky: Russian and National Literature: Materials of the 20th Anniversary International Scientific and Practical Conference. To the 130th Anniversary of the Birth of V. V. Mayakovsky, Yerevan, September 28–30, 2023]. Erevan, Kopi Print, 2023, pp. 52–61.
5. Vajskopf M. *Vo ves' logos: Religiya Mayakovskogo* [In Full Logos: Religion of Mayakovsky]. Moscow, Ierusalim Publ., 1997. 175 p.
6. Dorofeev D. Yu. [Tears and Laughter of Ancient Philosophy: Towards the Evolution of the Image of Heraclitus and Democritus]. In: *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2016, vol. 17, no. 4, pp. 126–136.
7. Komarov K. M. ["Mayakovsky – wow..." Boris Ryzhy and Vladimir Mayakovsky]. In: *Boris Ryzhiy: poetika i hudozhestvennyj mir: sbornik statej i dokladov* [Boris Ryzhiy: Poetics and the Artistic World: Collection of Articles and Reports]. Ekaterinburg, Fabrika komiksov (imprint "Kabinetnyj uchyonyj") Publ., 2015, pp. 48–63.
8. Silaeva M. V. [Images of Nature in the Lyrics of V. Mayakovsky and B. Ryzhey]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the State University of Humanities and Technology], 2021, no. 1, pp. 72–76.
9. Tihomirova A. O. [Modification of Artistic Space in the Story of A. M. Gorky "Woman"]. In: *Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Vojlovoj K. A., Moskva, 26 fevralya 2024 g.* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication: A Collection of Scientific Papers based on the Results of the International Scientific Conference dedicated to the Memory of Doctor of Philology, Prof. K. A. Voilova]. Moscow, Postator Publ., 2024, pp. 249–254.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Силаева Марина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета русской филологии Государственного университета просвещения;
e-mail: sofyaberyozkina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Silaeva – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Russian Philology, Federal State University of Enlightenment;
e-mail: sofyaberyozkina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Силаева М. В. Функциональное значение образа слезы в творчестве В. Маяковского и Б. Рыжого // Отечественная филология. 2024. № 3. С. 103–110.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-103-110

FOR CITATION

Silaeva M. V. The Functional Significance of the Image of Tears in the Works of V. Mayakovsky and B. Ryzhy. In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 3. pp. 103–110.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-3-103-110